

УДК 111.6

НОМО VIATOR – ЧЕРЕЗ ПРИЗМУ ЕГО ТРАВЕЛОГОВ НА РУБЕЖЕ XX–XXI ВВ.

Русаков Василий Матвеевич,

Институт международных связей,
зав. кафедрой философии и культурологии,
доктор философских наук, профессор,
г. Екатеринбург, Россия.
E-mail: dipi@nm.ru

Аннотация

В статье анализируется концепт «Человека движущегося» (скитающегося) как обозначение наиболее характерного свойства жизни человека рубежа XX–XXI вв. Этот концепт является многоуровневым и охватывает широчайший спектр проявлений мобильности: от перемещения в физическом пространстве и времени до интенсивных духовных исканий. Текущая современность ставит современное человечество на грань антропологической катастрофы.

Ключевые слова:

мобильность, антропологические практики, антропологическая катастрофа, дискурс травелога.

Две главных парадигмы заданы христианским сознанием в понимании человеческой природы: *Nomo viator* – человек-странник: а) это странник-пилигрим, странствующий в поисках бога, евангелизации души, странствия души в поисках абсолютных ценностей и смыслов; и б) странник-Агасфер, бесприютный скиталец, для которого не только весь мир – чужбина, но бездомный бродяга, не нашедший внутреннего мира, а потому нет у него и в нем дома для бога (храма).

Христианско-экзистенциалистская трактовка этой проблемы в *Nomo viator* Г. Марселя [1] существенно архаизирует ее, утапливая в мифологических и теологических хитросплетениях актуальность множества насущных аспектов. Понятно, что переложение существа проблемы на архаизирующий язык христианской мифологии и теологии был призван «возвысить» значение

проблемы человека, приподнять ее трактовку над пресными трюизмами типа «плохие времена настали, молодежь не почитает богов, не уважает старших» и т. п.

Уже в классическом марксизме [2] была дана светская формулировка данного аспекта проблемы человека: а) его сущность не дана и тем более не задана, б) особенность ее в том, что она носит существенно процессуальный характер (человек есть то, что он делает, раскрывается в его всемирно-исторической практике), в) прогресс этот носит непрерывный характер (хотя и не прямолинейный) и не существует никакого «наперед заданного предела или сущности», к которому он должен прийти. Причем, это было обосновано анализом буржуазного способа производства, который впервые в истории человечества придал этому прогрессу подлинно всемирный характер, мы бы

сегодня сказали – «глобальный». А, кроме того, придал ему главным образом негативный характер: как в том, что прогресс этот просто отрицает все и всякие наперед заданные пределы, границы, нормы и т. п., так и в том смысле, что получила всемерное развитие свобода (поливариантность) человека в негативном смысле – «свобода от», а не «свобода для», предельное развитие получила способность человека предельно обезчеловечивать себя, вытравливать из себя все человеческое (появляется впервые категория «преступление против человечности») в самом предельно возможном глобальном масштабе – не только геноцида (геноцидов), но и в принципе хомицида: глобального самоистребления (неважно одномоментно в процессе тотального термоядерного самоуничтожения или в процессе длительной глобальной экологической катастрофы). Обезчеловечение оказалось поставлено на промышленную основу, приобрело настоящий индустриальный размах, как любили говорить в XIX в. – потому что сама индустрия обезчеловечилась: тотальное повседневное глобальное вытравливание всего человеческого чем-нибудь бесчеловечным («машинерией» масскульты или «машинерией» технической или социальной инженерии).

Человек бредущий не просто побрел, скитаясь по странам и континентам, он понесся со все возрастающей скоростью к антропологической катастрофе – поскольку чем быстрее он двигался, тем острее давало о себе знать главная проблема: а куда надо двигаться? Что такое – быть человеком? И главное: а надо ли задумываться и решать эту проблему?

Что же означают эти странствия Человека-Путника в начале третьего тысячелетия н. э. – в поисках чего? Себя?

Как известно, неклассическая философская антропология (начиная с М. Шелера) ставит вопрос о неопределимости человека и о том, как можно мыслить эту неопределенность. При этом она исходит из того, что человек есть «полое», «незавершенное» существо, у человека нет сущности, нет «что». В этом плане возникает двойственность: человек предстает и как результат собственного полагания (планирования, «дела-

ния», искания), и одновременно он застаёт себя как уже нечто положенное, готовое [3].

«Человек странствующий» в начале третьего тысячелетия разворачивается в целый гигантский спектр вариаций («возможностей») развития и раскрытия, т. е. получается «развилка», точка ветвления вариантов-возможностей («дерево решений»), а, следовательно – при нарастании неустойчивости в открытой диссипативной системе, которой является общество, – точка «бифуркации», в которой ничтожный факт (аттрактор) может предопределить тот или иной выбор.

Под «гигантским спектром вариаций («возможностей») развития и раскрытия» имеется в виду спектр практик (и мысленных конструкций, в которых они находят «теоретическое оправдание» и выражение), которые резко переформулировали марселевскую формулу: человек странствует отнюдь не только и не столько в поисках бога или духовности, особенно «высшей духовности», сколько в предельном исчерпании всевозможных самореализаций, образуя в пределе некую «пенную Вселенную», где вариации самобытия человека представляют некие «мыльные пузыри» (часто, действительно, таковыми и являющиеся – формы мнимой, виртуальной, иллюзорной самореализации, стремящиеся заменить собою подлинные, тем более, что часто никто и не знает – в чем они заключаются, что означает «Быть самим собой»? Когда есть мириады и необременительных, и приятных (наслаждение!) таких форм – в противовес этим мучительным «духовным исканиям».

Если в марселевской формуле странничество человека выступало, скорее, высокомерной претензией интеллектуала (действительно, мерившего себя (и испытывавшего себя) мерой высокой духовности), отдававшей аристократизмом духа – поскольку слишком наглядна и куда более убедительна была как раз иная противоположная тенденция к бездуховности, омассовлению и атомизации примитивизированных индивидов, переживающих одиночество в толпе, то формула была, скорее, приложима к тем, кто культивирует духоводительские практики или, по крайней мере, размышляет над этим. Что же касается

массового человека и массового общества, то ему были уготованы различные эрзацы и симулякры, в том числе избавлявшие от этих непосильных странствий души в поисках себя.

Более того, социально-манипулятивные технологии наработали массу практик компенсаторного характера, призванных «полечить» массовое сознание, подспудно испытывавшее подозрение, что все-таки вопросы о смысле бытия и природе человека (Что значит быть человеком, быть собой?) не совсем бессмысленны или пустопорожны.

Во-первых, это перелицовка традиционного религиозно-мифологического сознания, которое реальность заставляла поворачиваться лицом к человеку, отвечать на повседневные вопросы. Даже консервативное католичество, хотя и не без строгих окриков в адрес всевозможных «диссидентов», дерзавших скрещивать томизм с экзистенциализмом, психоанализом или того пуще – с марксизмом! – модифицировало свой дискурс социальности и повседневности. Тем более это касается протестантизма и сектантства. Дело пришло в столь заметное движение, что традиционные конфессии заговорили о том, что общество захлестнул вал «тоталитарных сект». В этих условиях православие в традициях византизма даже поспешило за помощью к государственному аппарату [4].

Во-вторых, бурное развитие всех видов и жанров массовой культуры с особенным упором на всемерное использование современных СМИ и информационных технологий и технических средств. После эпохи господства «самого главного из искусств» – кино – этих фабрик грез, сыгравших огромную роль (в формировании человека: «Путевка в жизнь», «Повесть о настоящем человеке», «Американская мечта» и т. п.) в первой половине XX в. (и продолжающего в новой технологической оболочке), наступил век телевидения, пришедшего в каждый дом, существенно дополнившийся экраном компьютера, который в итоге переваривает в себе все виды и жанры масскульта, доводя их действие до невыносимой прежде эффективности. Фильмы, реклама, комиксы, игры, социальные сети мощно принялись пожирать свободное время человека – это пространство раз-

вития сущностных сил человека, одаривая его различными иллюзиями. Немаловажное значение при этом придается тому, чтобы индивид комфортно потреблял различные формы навязываемой ему самоидентификации («был самим собой»): в тотальном эртертейнменте-развлекалове, не менее тотальном потреблении («потребляй, или проиграешь»), псевдодуховных практиках «расширения сознания» и т. п.

Реакцией на подобные тектонические сдвиги выступают и поиски в области понимания того, что, собственно, представляет собой человек и вступил ли он в некую новую стадию – «пост-человека» [5].

Отдельно следует сказать и о социально-политических практиках, призванных формировать новый дискурс, в рамках которого были бы существенно девальвированы, если не опровергнуты, любые претензии людей на обретение чего-либо устойчивого, прочного: идеалов, смыслов, ценностей, убеждений. «Цинический разум» современного человека и общества обрел невероятную мощь и влияние.

Все эти процессы получили самое разнообразное выражение в архетипичном жанре травелога, древнего жанра повествования о всяческих скитаниях и странствиях человека и человечества – от самых древних преданиях и мифах о странствиях богов и героев до новейших эпических картин жизни как невероятного приключения и странствия от чуда рождения до неизреченного мрака смерти [6].

Жанр травелога в конце XX – начале XXI вв. обрел невероятно разнообразное воплощение: это и литература приключений и путешествий, это и всевозможные «беседы разочарованного со своей душой», повести о поисках высших степеней духовности и глубин сознания, а также – о поисках приключений на различные части тела, о глубинах человеческого падения [7].

Дискурс-анализ травелога как жанра обнаруживает его архетипичность (присутствие архетипических концептов Пути, Путника, Гостя, Приключения) и глубоко архетипическую структуру Пути как Выбора (Решения): в них помимо рационально-теоретического, интуитивно-

чувственного слоев присутствуют мощные слои коллективного бессознательного, глубоко связанные с историческими особенностями национально-этнических культур.

Что дает нам дискурс-анализ многообразного корпуса всевозможных современных травелогов? Философско-антропологическая проблематика конца XX в. пополнилась ярко выраженным в литературе концептом «мобильности»: поистине, через призму анализа травелогов человек и человечество предстает как окончательно сдвинувшиеся (а местами и свихнувшееся), пришедшие в тотальное движение. Огромные миграционные потоки людей, ищущих лучшей жизни (а то и просто – жизни!), фундаментальные изменения в образе жизни людей, превращающие ее в лихорадочную гонку, сопровождаются заявлениями: «реформирование», «модернизация», «инновация».

Но процесс этот, как известно, двойственный. Травелог выразил широчайший спектр всевозможных движений души и тела человека, но он же формирует и задает его. Анализ семиотического аспекта травелога показывает нам, как он способен мощно формировать антропологические «практики себя» – от приключенческой литературы «дальних странствий» до скитаний души в поисках ценностей и смыслов [8]. Кратологический аспект дискурса травелога наглядно демонстрирует властно-распорядительные возможности предписывания «современного» (т.е. мобильного!) образа жизни через разнообразные каналы и средства. Институциональный аспект дискурса травелога обнаруживает целые системы социальных институтов, сложившиеся к концу XX в. и которые приводят в движение человечество [9] и заставляют его «разговаривать» об этом – от от маловразумительного «блогобормотания» до сложновыстраиваемых трактатов о причудливых странствиях и путешествиях («шоптуры», «гурмантуры», «автостопом по европам», экстремальный, экзистенциальный, экзотический космический и паломнический туризм, дауншифтинг и т.п.).

Концепт «катастрофы» – в его первоначальном древнегреческом смысле (как некоторого «крутого поворота» или «излома» в движении

сюжета, повествования) не случайно возникает в процессе исследования феномена «Человека странствующего» через призму его травелогов. Пришедшее в поистине глобальное движение-странствие человечество в начале третьего тысячелетия набрало столь значительные скорости, не имевшие прецедента в прошлом, что впору озадачиться закономерным вопросом: «Камо грядеши, Homo viator?».

1. Homo viator (лат.) – человек-путник (Марсель), «Человек – скиталец» (1945).

2. Классический марксизм сформулировал т.н. «Всеобщий закон капиталистического накопления»: Накопление капитала есть специфическая форма расширенного воспроизводства, свойственная капитализму, т.е. воспроизводства капитала и капиталистических производственных отношений в возрастающих масштабах, выходящих за национальные границы, превращаясь в глобальный процесс. К. Маркс: «производство, основанное на капитале, создает систему всеобщей эксплуатации природных и человеческих свойств... Отсюда великое цивилизирующее влияние капитала... Соответственно этой своей тенденции капитал преодолевает национальную ограниченность и национальные предрассудки, обожествление природы, традиционное, самодовольно замкнутое в определенных границах, удовлетворение существующих потребностей и воспроизводство старого образа жизни. Капитал разрушителен ко всему этому» (Маркс К., Капитал, т. 1, Маркс К. и Энгельс Ф., Соч., 2 изд., т. 23, гл. 23–24).

3. «Для неклассической философской антропологии принципиальным является положение о том, что ключ к человеку находится в патологии человека. Идеальным модельным объектом изучения человека являются не обезьяна, не человек в норме, а исключение из нормы. Так, для Фуко и Делеза идеальным модельным объектом является шизофреник, для Ильенкова – слепоглухонемой, для Поршнева – снежный человек, возникающий в результате нервного срыва, перехода через ультрапарадоксальную ситуацию, для Бородея и Гиренка – аутист. В последнем случае ставится под сомнение идея о том, что человек всегда есть некое бытие в мире». (<http://www.lomonosov-fund.ru/enc/ru/encyclopedia:01409: article>).

4. Справочник «Религии и секты в современной России» // URL: <http://www.ystolika.narod.ru/>; <http://sobor.by/center.php?n=relsekty>.

5. Nick Bostrom. A History of Transhumanist Thought. Oxford University. Journal of Evolution and Technology – Vol. 14, Issue 1 – April 2005 // URL: <http://jetpress.org/volume14/bostrom.html>.

6. Ст. Гроф // Stanislav Grof, M.D. The Ultimate Journey. Consciousness and the Mystery of Death. 2006.

7. Шаламов В.. Колымские рассказы; Франкл В. Человек в поисках смысла: Сборник / Пер. с англ. и нем. Д.А. Леонтьева, М.П. Папуша, Е.В. Эйдмана. – М.: Прогресс, 1990.

8. Характерное выражение современного исследователя, создающего травелог нового типа: «В этой книге я пытаюсь суммировать философский и духовный опыт моего сорокалетнего личного и профессионального пути, включающего исследования неизведанных границ человеческой психики. Это было сложное и нелегкое странствие, порой весьма спорное, и в одиночку я бы

в него не отправился» (Гроф Ст. Космическая игра / Пер. с англ. Ольги Цветковой – М.: Изд-во АСТ. С. 3).

9. Tim Cresswell. *On The Move. Mobility in the modern Western World*. Rutledge, N.Y., 2006; John Urry. *Mobilities*. Cambridge: Polity Press, 2007.

1. Homo viator (lat.) – человек-путник (Marsel'), «Человек-скиталец» (1945).

2. Klassicheskij marksizm sformuliroval t.n. «Vseobshhij zakon kapitalisticheskogo nakopleniya»: Nakoplenie kapitala est' specificheskaya forma rasshirennoogo vosproizvodstva, svojstvennaya kapitalizmu, t.e. vosproizvodstva kapitala i kapitalisticheskix proizvodstvennyx otnoshenij v vozrastayushhix masshtabax, vyxodyashhix za nacional'nye granicy, prevrashhayas' v global'nyj process. K. Marks: «proizvodstvo, osnovannoe na kapitale, sozdaet sistemu vseobshhej e'kspluatatsii prirodnyx i chelovecheskix svojstv... Otsyuda velikoe civiliziruyushhee vliyanie kapitala... Sootvetstvenno e'toj svoej tendencii kapital preodolevaet nacional'nyu ograničennost' i nacional'nye predrassudki, obozhestvlenie prirody, tradicionnoe, samodovol'no zamknutoe v opredelennyx granicax, udovletvorenie sushhestvuyushhix potrebnoej i vosproizvodstvo starogo obraza zhizni. Kapital razrushiteln ko vsemu e'tomu» (Marks K., Kapital, t. 1, Marks K. i E'ngel's F., Soch., 2 izd., t. 23, gl. 23–24).

3. «Dlya neklassicheskoy filosofskoj antropologii principial'nyy yavlyatsya polozhenie o tom, chto klyuch k cheloveku naxoditsya v patologii cheloveka. Ideal'nyy model'nyy ob'ektom izucheniya cheloveka yavlyayutsya ne obez'yana, ne chelovek v norme, a isklyuchenie iz normy. Tak, dlya Fuko

i Deleza ideal'nyy model'nyy ob'ektom yavlyatsya shizofrenik, dlya Il'enkova – slepogluxonemoy, dlya Porshneva – snezhnyy chelovek, vznikayushhij v rezul'tate nervnogo sryva, perexoda cherez ul'traparadoksal'nyu situaciyu, dlya Borodaya i Girenka – autist. V poslednem sluchae stavitsya pod somnenie ideya o tom, chto chelovek vsegda est' neкое bytie v mire». (<http://www.lomonosov-fund.ru/enc/ru/encyclopedia:01409:article>).

4. Spravochnik «Religii i sekty v sovremennoj Rossii» // URL: <http://www.ystolika.narod.ru/>; <http://sobor.by/center.php?n=relsekty>.

5. Nick Bostrom. A History of Transhumanist Thought. Oxford University. *Journal of Evolution and Technology* – Vol. 14, Issue 1 – April 2005 // URL: <http://jetpress.org/volume14/bostrom.html>.

6. St. Grof // Stanislav Grof, M.D. *The Ultimate Journey. Consciousness and the Mystery of Death*. 2006.

7. Shalamov V. Kolymskie rasskazy; Frankl V. *Человек в поисках смысла: Сbornik / Пер. с англ. и нем. D.A. Leont'eva, M.P. Papusha, E.V. E'jdmana.* – М.: Progress, 1990.

8. Xarakternoe vyrazhenie sovremennoogo issledovatelya, sozdayushhego travelog novogo tipa: «V e'toj knige ya pytayus' summirovat' filosofskij i duxovnyj opyt moego sorokaletnego lichnogo i professional'nogo puti, vklyuchayushhego issledovaniya neizvedannyx granic chelovecheskoj psixiki. E'to bylo slozhnoe i nelegkoe stranstvie, poroj ves'ma spornoe, i v odinochku ya by v nego ne otpravilsya» (Гроф Ст. Космическая игра / Пер. с англ. Ольги Цветковой – М.: Изд-во АСТ. С. 3).

9. Tim Cresswell. *On The Move. Mobility in the modern Western World*. Rutledge, N.Y., 2006; John Urry. *Mobilities*. Cambridge: Polity Press, 2007.

UDC 111.6

HOMO VIATOR – IN THE LIGHT OF IT`S TRAVELOGUE ON THE BORDELIN OF XX–XXIth CENTURIES

Rusakov Vasilii Matveevich,

Institute of International Relations,
Head of the Chair of Philosophy and Culturology,
Doctor of Sciences (Philosophy), full professor,
Ekaterinburg, Russia.
E-mail: dipi@nm.ru

Annotation

The paper analyzes the concept of «Man of the moving» (wandering) as a symbol of the most characteristic features of human life on the borderline of XX–XXI the centuries. This concept is multi-level and covers a wide range of manifestations of mobility: from moving in the physical space and time to intense spiritual researches. The liquid modernity puts modern humanity on the verge of anthropological disaster.

Key words:

mobility, anthropological practice, anthropological catastrophe discourse travelogue.